

Рассматривается современное состояние государственной статистики, обсуждается вопрос о критике официальной статистики, указывается на негативные тенденции – увеличение дистанции между статистикой (как видом профессиональной деятельности по подготовке статистических данных) и квалифицированными пользователями и деградацию статистического образования в стране.

Ключевые слова: государственная статистика, статистическое образование, досчёт, экономический кризис

Критика должна быть конструктивной

*Интервью с А.А. КИСЕЛЬНИКОВЫМ, доктором экономических наук, руководителем территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области.
E-mail: oblstat@novosibstat.ru*

– Александр Андреевич, как бы Вы охарактеризовали путь, который проделала статистика от советской к российской? Что удалось сохранить? От чего пришлось отказаться? Что нового – хорошего и плохого – появилось в ней?

– Наверное, происшедшие изменения можно назвать кардинальной трансформацией, и этим статистика принципиально отличается от многих ведомств и функций государственного управления. Например, Служба занятости как государственный институт почти в полном объёме была «импортирована» из-за рубежа. Ведь в Советском Союзе слово «безработный» было синонимом слова «тунядец». Поэтому в начале 1990-х годов всё пришлось создавать «с нуля» – термины и понятия, методологию, законодательство, оргструктуру и т.д. И таких ведомств – «с нуля» – у нас очень много: налоговая служба, судебные приставы и т.п.

Статистика в значительной степени всё-таки наука, базирующаяся на математике. Поэтому основы данного вида деятельности инвариантны по отношению к общественному строю. Большинство терминов и понятий, да и статистических показателей одинаковы и при капитализме, и при социализме (хотя некоторые различия, конечно, есть). Не было необходимости разрушать всё до основания, и, к счастью, этого не произошло.

Были сохранены материальная база, трудовые коллективы, навыки, традиции, не до конца была развалена система подготовки кадров. Обеспечена преемственность по многим видам статистических наблюдений.

Статистика не является самостоятельным институтом, который берёт из прошлого только хорошее и в процессе восходящего развития добавляет только лучшее. Если в стране произошла революция, то и здесь всё делается «рывком» и далеко не всегда в лучшую сторону по сравнению с предыдущим, в данном случае советским, периодом. Как нельзя построить «капитализм по Прудону», взяв от него только плюсы и отбросив всякие мерзости (эксплуатацию человека человеком, безработицу и т.п.), так и в сфере статистики приходится считаться с новой, далеко не всегда приятной, реальностью.

Например, количество объектов статистических наблюдений увеличилось на два порядка, т. е. примерно в 100 раз. И никаких бюджетных средств не хватит, чтобы продолжать вести наблюдения преимущественно сплошным методом. Скорость институциональных изменений, в том числе законодательства, многократно возросла. Во много раз увеличился сектор теневой экономики, а коррупция стала имманентным свойством действующей системы управления.

В этих условиях обеспечить уровень достоверности статданных, который был достигнут в условиях централизованной плановой экономики, очень сложно. Это не удалось сделать даже в Германии. Во время стажировок в ФРГ в 2006 и 2010 гг. нам читали лекции ведущие специалисты статистического ведомства Германии, часть из них – выходцы из ГДР, а другая – из ФРГ. И бывшие «восточные» немцы в своих выступлениях неоднократно подчёркивали, что достоверность статистики ГДР была значительно выше, чем в объединённой Германии. Причина здесь скорее не в работе статистического ведомства, а в кардинальном изменении объекта наблюдения.

Но есть, конечно, и положительные изменения, особенно в части информационных технологий, использования международного опыта.

– Позволяют ли сегодняшние статистические данные говорить, что Россия вышла или, по крайней мере, выходит из кризиса?

– Статистические данные (не только наши) позволяют говорить много, на любые темы и делать противоположные, даже взаимоисключающие, выводы, что можно наблюдать ежедневно и в официальных документах, и в СМИ. Обусловлено это тем, что, хотя в значительной своей части статистика, несомненно, является наукой, где критерием деятельности выступает истина, интерпретация статданных – это своеобразное искусство, где выводы в очень большой степени зависят от субъективных качеств автора: наличия совести и профессионализма (или их отсутствия), угла зрения и т.д. Думаю, Россия находится в тяжелом системном кризисе, даже безотносительно к мировому финансовому кризису 2008 г. Статистических данных для подобных утверждений вполне достаточно. Как и публикаций на эту тему многих авторов в самых разнообразных изданиях.

– *Можно ли было предвидеть начавшийся осенью 2008 г. кризис сквозь призму официальных статистических данных? Ведь начиная с 1999 г. официальная статистика фиксировала устойчивый рост ВВП, увеличение объемов производства, рост инвестиций и доходов населения, положительный прирост фондов, наращивание золотовалютных накоплений. Не стал ли для статистиков кризис такой же неожиданностью, каким он оказался для государственных деятелей, учёных-экономистов, основной массы населения?*

– Конечно, можно, и многие его предвидели, потому что хорошо известно и даже доказано математически, что финансовые пирамиды в конце концов рушатся. Другое дело, что точную дату вычислить или угадать очень трудно: как определить, что послужит «спусковым крючком» или «последней каплей», после которой произойдёт обвал и финансовый кризис? В 1998 г. С.Ю. Глазьев (в настоящее время академик РАН) чуть ли не каждую неделю писал: «Вот-вот лопнет пирамида ГКО – не может не лопнуть». И всё на основе статистических данных (о бюджете, инфляции, долгах). Но дату заседания, на котором С.В. Кириенко сотоварищи объявят дефолт, ему не сообщили (в отличие от некоторых финансовых структур). В сентябре 2008 г. роль Кириенко и компании сыграло крупнейшее в США агентство ипотечного кредитования Lehman Brothers, а мог бы кто-нибудь другой и в несколько иной момент.

Что касается экономического роста в России в период с 1999 г. по 2008 г., то он действительно наблюдался по многим значимым показателям. Причины хорошо известны – восстановительный рост после девальвации рубля и исключительно благоприятная мировая конъюнктура для продукции российского экспорта, прежде всего, углеводородного сырья. Из 12-кратного роста цен на нефть кое-что перепало населению – многократный рост бюджетных расходов, увеличение средних денежных доходов в 3,5 раза. Золотовалютные резервы действительно резко возросли. Но качество этого роста вызывало справедливые нарекания, и я со многими из них согласен. Что касается ВВП, то это валовой показатель, на основе динамики которого нельзя делать выводы об эффективности. Можно зарывать в землю национальные ресурсы в рамках бессмысленных проектов, и ВВП будет расти, а конкурентоспособность России – падать. Также он будет расти в результате бесконечной череды катастроф, последствия которых преодолеваются неэффективной тратой ресурсов.

Что касается прогнозирования сроков наступления финансового кризиса, то это довольно специализированный вид деятельности, которым должны заниматься профессионалы. Правда, «профессионалы» в этот раз, действительно, не угадали. На Красноярском экономическом форуме 2007 г. слово «кризис» применительно к обозримому будущему в резолюции даже не упоминалось – речь шла исключительно об экономическом росте, модернизационном или инновационном. А в задачи статистики предсказание кризисов не входит. Бывший руководитель Росстата В.Л. Соколин любил сравнивать статистику с градусником: задача статистики – показывать температуру, а вовсе не ставить диагноз и тем более предсказывать, когда наступит летальный исход. Статистических показателей, говоривших, что даже на том временном отрезке при благоприятной внешней конъюнктуре и росте золотовалютных резервов наша экономика идёт по неэффективному пути развития, было более чем достаточно.

Что касается основной массы населения, то страх перед будущим оно ощущает кожей. Состояние перманентного страха и ожидание худшего – главная причина вымирания населения России, особенно славянского этноса. Для подобных ощущений и выводов совсем не обязательно знать о существовании статистических справочников.

– Известно, что официальные статистические данные очень сильно критиковались в последнее время. Есть исследования, согласно которым от официальной статистики ускользает значительная часть товарооборота, и потому объём российского ВВП существенно занижен. Другие исследователи критиковали результаты переписи населения, проведенной в 2002 г., указывая на то, что в ней участвовало не более 85% населения России. По расчётам некоторых экономистов, в результате постсоветских реформ Россия потеряла не менее 40% национального материального богатства. Огромные нарекания вызывают статистика внешнеэкономической деятельности, статистика доходов населения и их распределения по децильным группам. Скажите, на Ваш взгляд, статистическая служба как-то реагировала на эту критику? Совершенствовала методологию или технику расчётов под влиянием этой критики? Или она просто игнорировала мнения, отличные от собственных?

– У меня не возникло ощущения, будто что-то кардинально изменилось в части критики, особенно конструктивной. Статистику критиковали всегда, это даже вошло в фольклор, причём в разных странах. Скорее речь может идти о раздражении и многократно возросших возможностях выражения своего мнения в СМИ. Сейчас практически нет цензуры (в хорошем смысле этого слова), профессионального рецензирования публикаций, а в Интернете вообще можно не сдерживаться в выражениях.

Конечно, в обществе произошли большие изменения, наблюдается резкое расслоение населения по уровню жизни и доходам. Поэтому восприятие, скажем, показателей инфляции или доходов вызывает раздражение – кому-то кажется, что они завышены, кому-то – что занижены. Многие не утруждают себя пониманием, что такое «средняя величина» и, тем более, по какой методологии она считалась. Сразу пишут, что это просто враньё или даже враньё в чьих-то интересах.

Для того чтобы критика была конструктивной, авторы должны хотя бы знать, как считается то, что они критикуют. Например, «Руководство по обследованию бюджетов домашних хозяйств», на основе которого и осуществляется распределение населения по децильным группам, содержит около 700 страниц текста. Кто его читал в Новосибирской области, кроме руководителя отдела статистики уровня жизни и обследований

домашних хозяйств Новосибирскстата и ещё двух-трёх сотрудников этого отдела? Думаю, никто. А есть ведь ещё такие «мелочи», как законодательные и бюджетные ограничения, программные продукты, организационные схемы. Поэтому на упрёк «некоторых исследователей» в адрес Росстата («Нам не нравится, как вы считаете») может последовать такой ответ: «Нам тоже не нравится, а дальше что?». А дальше тишина...

Те немногие работы, которые ещё можно назвать научными исследованиями, имеют узкую направленность, что вполне закономерно: нельзя объять необъятное теми мизерными ресурсами, которыми обладает отдельный исследователь. У нас на всю Сибирь нет ни одной полноценной лаборатории, которая бы на хорошем профессиональном уровне занималась статистикой.

Следует иметь в виду, что Федеральная служба государственной статистики (Росстат) не является неким целостным организмом, который действует и думает как единое целое. Это трёхуровневая организационная система, во многом бюрократическая, в которой на постоянной основе работают около 23 тыс. человек. Большая часть (22 тыс.) сосредоточена в 83 территориальных органах государственной статистики. В их компетенцию разработка и изменение методологии статистических работ не входят. И предъявлять им претензии, что они не реагируют на замечания независимых исследователей (а многие и вовсе не читают их работ) – то же, что обвинять всё 145-миллионное население России в том, что они сами, в едином порыве, повышают тарифы естественных монополий и ЖКХ, усиливают коррупцию и т.д.

Понятно, что, как и во всех подобных организационных системах, решения принимает очень ограниченное количество людей из высшего руководства. Это в лучшем случае. А в худшем – неизвестные авторы из-за пределов формальной системы. Думаю, что в силу огромной занятости у руководства Росстата нет даже физической возможности изучать отдельные публикации и на них реагировать в превентивном порядке. Нет и специального подразделения в структуре Росстата, ответственного за подобную научно-аналитическую деятельность. Тем не менее многие наиболее актуальные проблемы российской статистики в Росстате хорошо известны. Они систематизируются, группируются и обсуждаются на разных уровнях.

Я бы не сказал, что в ведомстве царит самоуспокоенность, или что оно отгородилось неким забором от реальных жизненных процессов. Наоборот, оно более открыто для взаимодействия с обществом, чем большинство других ведомств. Но одной открытости и добрых намерений мало. Ресурсные возможности (в широком смысле) значительно ниже потребностей, поэтому многие даже хорошо осмысленные задачи не решаются. Диалог Росстата с пользователями и экспертным сообществом идёт не только по каналам СМИ, но и в рамках служебного документооборота. Но этим каналом чаще пользуются представители органов власти и управления, хотя с юридической точки зрения он открыт для всех граждан России.

Часто предметом дискуссии и последующего поиска компромисса даже в рамках действующей методологии является уточнение выборки и так называемых досчётов. Известно, что страна наша очень неоднородна не только в природно-климатическом, но и в социально-экономическом смысле. Применение усреднённой методологии в отдельных случаях даёт не вполне адекватные результаты. Причём чем меньше масштаб наблюдаемого объекта (например, территориального), тем выше вероятность погрешности.

Так, в Республике Алтай осталась одна отрасль специализации – туризм. По оценке местных властей, республику ежегодно посещают 1,5 млн человек с целью отдыха или туризма, а по данным статистики – в 10 раз меньше. В рамках действующего законодательства и финансирования Росстат не наделён правом и возможностями регистрировать и допрашивать целую армию автомобилистов, следующих по трассам Горного Алтая, устраивать сплошные проверки на объектах, оказывающих туристические услуги. Да и собственники большинства турфирм находятся за пределами республики. В этой ситуации нужен какой-то компромисс, и его находят с помощью досчётов аналитическими методами.

В Новосибирской области в выборку по обследованию хозяйств населения, производящих молоко, попал ряд сёл, где за годы реформ поголовье коров почти полностью вырезали. Поскольку выборка очень маленькая, это приводило к занижению показателей в целом по области. Аргументация региональных властей была признана убедительной, и Росстат пошёл на корректировку выборки. В Красноярском крае два года назад в одном из малонаселённых северных районов зарегистрировал

свое местожителство известный олигарх. Количество миллиардов рублей показанного им подоходного налога практически совпадало с числом тысяч жителей этого района. В результате этой юридической манипуляции все они (14 тыс. человек) стали бы считаться миллионерами по показателю средних доходов населения, если руководствоваться официальной методологией. Конечно, в данном случае необходимо было сделать исключение, чтобы не поспориться со здравым смыслом. И оно было сделано.

Примеров подобного рода очень много, и они в очередной раз подтверждают известную мысль о том, что любая модель (а методология статистических наблюдений – это своего рода модель) представляет собой лишь огрублённое представление действительности.

– Что нужно сделать для повышения качества статистики? Какие усилия в этом направлении нужно предпринять государственным органам, научному сообществу, бизнес-структурам?

– В 2009 г. в Подмосковье состоялось Всероссийское совещание статистиков, очень значимое событие, так как предыдущее подобное проводилось 14 лет назад. Я на нём делал доклад по проблемам демографии от Новосибирскстата. Представителей сибирской науки и бизнес-сообщества среди участников этого форума не было. 23–24 июня 2011 г. в Москве прошла международная конференция, посвященная 200-летию российской государственной статистики. В ней приняли участие руководители международных статистических организаций (статистических служб ООН, Евростата, Статкомитета СНГ) и статистических органов крупнейших стран. Представителей сибирской науки, высшего образования, бизнес-сообщества среди докладчиков опять-таки не было. Хотя приглашение оргкомитета принять участие в конференции несколько месяцев «висело» на сайте Росстата.

В 2010 г. был воссоздан Научно-методологический совет при Росстате, целью которого и является формирование конструктивных предложений со стороны науки, сферы образования и бизнеса в адрес государственной статистики. Возглавляет Совет бывший новосибирец – академик В.Л. Макаров. Сказать, что повестка этого общественного органа ломится от конструктивных предложений, было бы сильным преувеличением. На

мой взгляд, эти примеры свидетельствуют об увеличении дистанции между статистикой как видом профессиональной деятельности по подготовке статистических данных и теми квалифицированными пользователями, которые в состоянии этот процесс осмыслить и, в случае необходимости, ему оппонировать. Старые (советские) кадры уходят, а новые не появляются.

Крайне опасное решение было принято в 2011 г. – в рамках «реформы» высшего образования специальность «Статистика» растворена в более общем направлении «Экономика». Это решение с высокой вероятностью приведет к ликвидации последних кафедр статистики в вузах и дальнейшему упрощению (или даже примитивизации) подготовки специалистов в данной сфере. Что соответствует «духу» Болонского процесса.

Если взять весь научно-производственный цикл статистической деятельности, то Росстат в ней выполняет в основном функцию серийного завода. Все остальные составляющие этой цепочки на территории России резко деградировали. Этот вакуум всё более последовательно и масштабно заполняют международные институты (Мировой банк, ООН, ОЭСР, Евростат и др.). Они действуют как официально (посредством международных соглашений, связанных кредитов), так и «российским рыночным путём» – через доверенные структуры, которые получают гранты и гарантированно выигрывают тендеры.

Россия в этом, как и во многих других вопросах, всё больше напоминает «буранный полустанок», мимо которого проносятся экспрессы транснациональных корпораций, всё в меньшей степени реагируя на доносящиеся с этого полустанка возгласы. На упоминавшейся международной конференции в честь 200-летия российской государственной статистики представители многих стран высказывали сожаление по этому поводу. Был отмечен огромный вклад российских и советских учёных в развитие статистики. Вспоминали, что МЭСИ (Московский экономико-статистический институт) вообще был первым специализированным статистическим вузом на планете, который готовил кадры для десятков стран мира. Но сейчас многие позиции утрачены.

Здравый смысл подсказывает, что надо восстанавливать и создавать реальные (а не номинальные) исследовательские центры и сильные кафедры по вопросам демографии и статистики хотя бы в центрах федеральных округов, в том числе в Новосибирске.